

Библиография трудов архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) велика. Тут и большие теоретические работы, и стихи, письма, афоризмы. Есть и несколько произведений, которые особенно привлекли к себе наше внимание. Это «Установление единства», «Белая Церковь», «Город в огне» — воспоминания первоначального духовного борения, духовного пути, пройденного молодым образованным человеком, а затем начинающим пастырем. Пришелся этот путь на времена для страны и мира тяжелейшие, судьбоносные.

Исполнилось пятьдесят пять лет, как мемуары впервые увидели свет. Потому вполне понятно наше желание их перечитать и оценить уже взглядом из сегодняшнего времени.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА

1

Максимилиан Александрович Волошин в статье «Русь распятая» (1920 г.) писал: «Русское общество, уже много десятилетий жившее ожиданием революции, приняло внешние признаки (падение династии, отречение, провозглашение Республики) за сущность события и радовалось симптомам гангрены, считая их предвестниками исцеления. Все дифирамбы в честь свободы и демократии, все митинговые речи и газетные статьи того времени были нестерпимой ложью...»

Так ли это?

Епископ Иоанн Шаховской много лет спустя, после написания этих строк Волошиным, размышляя над историей все тех же свершившихся

событий в работе «Установление единства», отметит следующие: «Удивительная тайна человеческого времени. Чем больше о ней размышляешь, тем больше недоумеваешь. Время становится все неизъяснимее по мере лет, и все более оно бывает сопряжено с вечностью, все более становится скорлупкой вечности. Только живой, движущейся вечностью и можно измерять время, потому что вечность уже владеет нами... О всем временном, что ушло, я не жалел. Было здесь нечто более глубокое, чем даже память, — был избыток бытия, так как человек есть избыток бытия, Божественной вечности, таинственно создавшей нас и пульсирующей в нас и во всем».

Именно в этих словах мне видится истинное постижение времени... Нет, истинное направление пути к этому постижению.

Дмитрий Шаховской, будущий владыка Иоанн, родился 23 августа 1902 года в Москве, в известной в России аристократической семье. Получив отличное светское образование и «переболев» всеми подобающими его кругу увлечениями и забавами, он и не помышлял о карьере служителя Богу. Его религиозность сводилась к посещению воскресных и праздничных служб в детстве и изучению Закона Божьего в лицее. Но уроки эти, как в дальнейшем замечает владыка, «прошли почти бесследно для моего сознания. В подсознании, может быть, и остался от них какой-либо след, но сознания религиозного у меня еще не было. Было лишь детское чувство веры».

И все-таки один случай оставил в сердце Дмитрия неизгладимый след. Это было невольное соприкосновение с тайной, таинством.

«Помню, как благоговейно я остановился однажды в Матове на пороге кабинета моего отца, а потом тихо ушел, когда, ворвавшись туда одним летним днем, я вдруг увидел в тишине комнаты моего отца, молящегося на коленях. Вдруг я ощутил тайну молитвы».

Или вот другой пример, не менее наглядный и выразительный. Когда у маленького Мити на глазу вскакивал «ячмень», то мать, сняв с пальца обручальное кольцо, три раза благоговейно проводила им по воспаленному веку, произнося: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». И болезнь побеждалась, воспаление проходило. Но все-таки это были только случаи, не очень связанные между собой, хотя, безусловно, оставлявшие свой след в восприимчивом сердце юного аристократа. В остальном же он полностью соответствовал тому, в основном, значительно отошедшему от религии, молодому и изысканно образованному обществу, к которому по праву своего рождения принадлежал. У общества этого даже не было «прикрепленности к какому-то географическому месту».

Ни к Москве, ни к Петербургу, ни к Тульской губернии, как отмечает сам владыка, он не испытывал чего-то особенного, привязывающего его к этим местам. Точно так же, как и постоянные выезды за границу (Франция, Швейцария) по совету докторов в детские годы (в зимний период для сохранения здоровья), а затем и в эмиграцию — нигде он не ощущал землю более, чем «странническим чувством».

«Это чувство — одно из крепких чувств и связей мира. Во всяком человеке есть мимолетность. Она составляет его легкость и мудрость, которая ему нужна среди всех феноменов его преходящего существования. Странничество соответствует человечеству». Так в дальнейшем скажет об этом человеческом состоянии епископ Иоанн. И это несмотря на то, что род Шаховских с честью послужил именно России, а отец епископа преданно любил «простую Россию, деревню». «В начале 10-х годов избранный венежским предводителем дворянства (Венежский уезд Тульской губернии — В.С.), он до самой революции хозяйничал в деревне, помогая людям, без всяких демократических идей или теорий».

Но все-таки: «...Чувство патриотизма, любви к Родине, к земле своей, к предкам и их славе — двойственно. — Так далее утверждает Шаховской. — Тут есть своя правда, о чем говорит и Библия, но тут может

быть и большая нравственная ложь. Человек не должен себя духовно утверждать ни в своих предках, ни в потомках. Люди — существа не отвлеченные. Человеку дана земля, дана история, но высшей стороной своей он открыт миру духа и истины, бессмертному спасению в высшем бытии. Мы живем в плане не только историческом, но и метаисторическом...

Вступив на иноческий путь — считает необходимым конкретизировать свои духовные ощущения епископ Иоанн, — я ощутил в себе сильное отталкивание от всего временного, «тленного», «родового», узко «националистического». Я так насмотрелся этого узкого, бездуховного национализма, что впал в крайность, меня корбило от одного упоминания, что я Шаховской.

Представляю, скольким людям подобный максимализм владыки будет не по душе. Но не станем забывать, что все это сложилось под влиянием и тех обстоятельств, при которых юный максималист вступал во взрослую жизнь (революция, Гражданская война, эмиграция и т.д.), и того, что начало иноческого пути всегда сопряжено с неким категорическим отрицанием всех мирских, тем более, политико-нравственных ценностей.

По прошествии многих лет епископ Иоанн и сам посмотрит несколько иначе на свой тогдашний иноческиначальный максимализм.

«Мне открылась другая сторона реальности моих предков: моя и за них духовная ответственность, как их — за свое потомство. Ответственность, понимаемая, конечно, не в федоровском полубезумном смысле, как необходимость активного участия нашего в земном воскрешении всех предков, а в смысле участия нашего в их смертности и в том их бессмертии, в их человечестве, которое будет воскрешено Христом».

И как апофеоз утверждаемой епископом мысли звучат следующие его слова о вере как таковой:

«Вера не есть отвлеченное признание Божьего бытия и истин, из него вытекающих (хотя бы самых догматически верных). Вера — это высочайшая симфония человеческого сознания, силы надежды и силы любви иной, чем любовь плотская, классовая или националистическая. Вера в Бога — это и пришедшее в силу царство Божие, начавшая уже осуществляться надежда бессмертной жизни».

Мне кажется, что выстраивание в таком порядке высказываний автора дает полную картину эволюции осознания им «патриотически-национального» вопроса. И ценности этих высказываний, озвучивающих духовный путь одного из интересных православных мыслителей ушедшего века, в том, что переживая вновь в России смутное время, многие опять, касаясь национального вопроса, теряют за внешним пафосно-кричащим, эмоциональным аспектом его изначальную, глубинную суть.

Впрочем, на эту тему нам страницы книги в дальнейшем еще представят прекрасную возможность поразмышлять. Сейчас же мы только акцентируем внимание на том, что было предшествованием этих рассуждений и выводов. Что позволило в итоге епископу Иоанну утверждать: «Мы задуманы, а не только сотворены. Именно задуманы волей божественной, предположены ее надеждой, что откликнемся на это творение. И в каждом из нас есть неповторимое человеческое лицо, образ благой воли Божией, отражение небесной любви. И всякий раз, когда мы принимаем в себя что-то наносное для нас, это вредит нам и тормозит наш путь к цели основной».

Итак, в молодости Дмитрий Шаховской принадлежал к тому аристократическому поколению (вернее, к той части этого поколения), которое вроде бы и не чувствовало «страны под ногами». Оно жило в некоем отстраненном ощущении того, что происходило на просторах предреволюционной и революционной России. И хотя эти события напрямую коснулись и семьи Шаховских (убийство отчима, арест матери, расстре-

лы близких...), но и по манере повествования, и во внутреннем ощущении написанного текста есть не то, чтобы авторское безразличие или холодность, но недопережитость. Словно человек, все это вынесший, так до конца и не понял, через что же он прошел, чудом оставшись живым.

Я склонен считать, что и тут всему виной все то же «странническое чувство», отсутствие ощущения уходящей из-под ног почвы, ощущения катаклизма, разрушения и потери вековечного устоя, бытия. Да, собственно, и сам автор ненароком проговаривается, что в Москве эти два-три весенних месяца, что хлопотал он об освобождении матери, «были для меня каким-то новым, по широте своей, погружением в русскую жизнь. Мне было пятнадцать лет, я был совершенно свободен от всего и ничего не воспринимал трагически. Трагизм приходит лишь в зрелую душу, а моя душа была молода и беззаботна. В зрелом возрасте так просто на жизнь и будущее может смотреть только очень верующий в Бога человек. Крушение России не доходило до моего сознания. То, что семейное гнездо было уничтожено, казалось каким-то временным эпизодом. Жизнь куда-то вела, и было состояние легкости, отрешенности и от прошлого, и от будущего...

И в Москве, в 1918 г., я ходил в Художественный театр, буквально впитывая в себя русский язык и русскую жизнь...»

Вот так. Не трагедия и гибель, а открытие новых ощущений, впечатлений и полная, даже окрыленно-свободная вера в будущее.

Конечно, смута внесет свои коррективы в эти мысли и ощущения. Перемещения по разрушенной междоусобной войной стране, выпавшие в связи с этим на долю странника испытания и переживания во многом отрезвят его взгляд, заставят на многие вещи взглянуть иначе. И все-таки в главном взгляды будущего владыки на судьбу страны останутся непоколебимыми, что в свое время позволит ему заметить: «Помню этот последний мой русский день... «Цесаревич Георгий» отчалил от Графской пристани и медленно вышел в морской простор. Я стоял на корме и смотрел на пенистый след от парохода, на бледнеющие очертания крымского берега... Как-то все легко, само собой, сложилось с моим отъездом из России».

2

Довольно быстро (правда, и тут не прошло без «случаев» и «приключений») Шаховской включился за границей в общественно-культурную жизнь русской эмигрантской колонии. Он учится на экономическом отделении одного из старейших университетов Европы (Лувенского), начинает писать стихи (первая публикация стихотворения состоялась в майском номере толстого журнала «Русская мысль» за 1922 г.), знакомится с известными русскими писателями (И.А. Буниным, Б.К. Зайцевым, М.А. Алдановым), печатает религиозно-литературно-философские очерки в парижском журнале «Путь» (Бердяева), издает первые сборники своих стихов («Стихи», 1923; «Песни без слов», 1924; «Предметы», 1926) и, наконец, сам редактирует религиозно-философский журнал «Благонамеренный», который быстро завоевывает популярность и авторитет среди образованной эмигрантской публики (Марина Цветаева посвящает Шаховскому свое стихотворение «Старинное благоговенье»).

Кажется, что все получается, правильный жизненный путь найден, общественно-карьерная перспектива на лицо. Но тут все основательнее и неотвратимее встают перед автором те главенствующие вопросы человеческого бытия, миновать которые многим не удастся.

«...В самый разгар своего редакторского успеха я стал чувствовать себя пленником какого-то странного внутреннего глубокого процесса, который совершался во мне и, изменяя меня, отгораживал все более от

пути, по которому я шел... И я начал, наконец, понимать, что не могу идти по этому пути, а должен пойти по другому. А по какому — неясно было для меня. И к чему-то новому все неукротимее поворачивалось мое сердце...

Кризис мой духовный нарастал постепенно, даже подчас невидимо для меня самого. Как-то я сидел в Брюссельской Королевской библиотеке. Параллельно всем занятиям во мне шло какое-то внутреннее, интенсивное движение духа, которое можно было бы назвать жаждой истины. Я чувствовал, что в культуре этого мира для человека нет выхода. Истина в ценностях этой культуры еле заметна, она слишком разбавлена посторонними элементами. Мне виделось, что мир загораживает себя от истины множеством понятий, ценностей и эмоций третьестепенных».

А, задавшись подобным вопросом (что есть истина?), в конце концов, молодой и ищущий, сосредоточенно думающий литератор и не мог прийти к иному выводу, как к такому, что для познания истины «надо очиститься от самой психической атмосферы «сега мира». Он пришел к пониманию, что для этого нужна «чистая вера», «любовь к Истине Христовой, чтобы в человеке открылся тот Человек, который только и в состоянии увидеть Истину и быть в ней».

Начался процесс очищения взгляда, отстранение и отказ от пути «ветхого» человека, от его дел, его жизненной позиции. Произошло осознание цены и значимости в человеческой жизни покаяния.

«Покаяние не есть лишь осознание и переживание вины; это и воля к освобождению от вины, к свободе от зла, и уже начало этой свободы...

Господь есть Свобода, высшая и все время отвечающая на относительную, частичную, малую нашу свободу... Дух пленяет, охватывает и вынуждает все более служить Богу человека, который начал слушать Бога. Тот, кто начал истинно слушать Бога, тот начал и слушаться Его.

А кто начал слушаться Его, начал и служить Ему... Так было в моей самой, самой обыкновенной жизни, проникнутой столь многими пустыми житейскими мотивировками и бездумными импульсами... Я просто заскучал в своих правдах. Ценности мои перестали утешать меня. Все чаще стал я выходить из этого мира в молитву и богомыслие».

Огромная роль в столь значительной перемене жизненных приоритетов, самого сознания преуспевающего молодого литератора сыграл его духовный наставник, тогда инспектор Свято-Сергиевской Духовной академии в Париже епископ Вениамин (Федченков). Он призвал никогда и не помышлявшего об этом ранее Дмитрия Шаховского на служение Церкви. И, как в дальнейшем признавался сам владыка, все его книги, статьи, стихи, по сути своей, есть попытка раскрыть, что произошло с ним, с его мировоззрением, духовным состоянием в те давние 1925—1926 годы.

По благословию своего духовника Дмитрий едет на святую гору Афон.

Афон его пленил. Здесь душе его хотелось остаться, найти молитвенное уединение.

Молодой паломник обходит монастыри и скиты этого святого места. Беседуя со старцами, разрешает для себя многие духовные сомнения. И, наконец, исполняя благословение своего духовника, преосвященного Вениамина, 23 августа 1926 года, в день своего двадцатичетырехлетия, на рассвете, он был пострижен в одной из церквочек Пантелеймоновского монастыря с монашеским именем Иоанн (в честь Иоанна Богослова — апостола и евангелиста).

Как ни стремилась душа молодого инока остаться в этом святом месте (и старец-духовник афонский архимандрит Кирик убеждал его остаться навсегда на Афоне), но, повинувшись послушанию, полученному от преосвященного Вениамина, уже инок Иоанн вернулся на служение Церкви в мир, в Париж, в Духовную академию.

С Афона он уехал «в новую жизнь в новой одежде».

БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Но проучиться долго в академии, что располагалась на парижской Сергиевой Горке, студенту Шаховскому не пришлось. К тому времени внутри Русского Зарубежья началось церковное разногласие. Патриарх Тихон определил архиепископа Евлогия быть митрополитом Западно-Европейских Православных Русских Церквей с центром в Париже. К этому решению присоединился в числе других [архиепископ Владимир (Тихонидский), епископ Сергей (Королев)] и старец-духовник инока Иоанна епископ Вениамин (Федченков).

Церковные разногласия в итоге привели к разделению.

В конце 1926 года преосвященный Вениамин уезжает из Парижа в Югославию, в Белую Церковь, и зовет к себе Шаховского. Там, в этом тихом, расположенном у границы с Румынией зеленом городке, в храме русской колонии владыка рукоположил Иоанна в иеромонахи. Так началось пастырское служение будущего епископа.

Иоанн очень тепло, с благодарностью и любовью во Христе пишет о своем духовном наставнике. («Знаток литургики и церковной музыки, владыко Вениамин открывал мне красоту церковных служб, дух устава и духовничества... Епископ Вениамин матерински учил меня быть монахом в миру и пастырем. Он ободрял меня на пастырском пути, к которому я оказался призван, но не был готов»). И, тем не менее, они разлучились.

В 1927 году преосвященный Вениамин оказался сторонником митрополита Сергия, к тому времени ставшего заместителем местоблюстителя патриарха Московского (патриарх к тому времени скончался, а местоблюститель был арестован) и главой Русской Церкви, который призвал пастырей и верующих примириться с властью большевиков. И это несмотря на то, что власть была гонителем Церкви, и ставила перед собой цель полностью уничтожить ее.

Но все-таки, заметим от себя, зная историю этого вопроса, мы не можем не отметить большой правоты митрополита. Ведь именно благодаря его шагам свершилось воистину чудо. Канонически Церковь выстояла, выжила, казалось бы, в условиях невозможных и абсолютно губительных.

Нам уже приходилось касаться ранее этого вопроса в других своих статьях, и поэтому в данном случае мы не будем его расширять и полемизировать. Единственное считаем необходимым отметить, что митрополит Сергей, безусловно, стоял на позициях, что Церковь принадлежит Христу, а не политике. Митрополит призывал верующих встать вне политики, возвыситься над ней.

Но русская эмиграция все-таки, в первую очередь, как раз и была политической эмиграцией. Могла ли она в тех условиях пойти на примирение?

Владыка Иоанн многое понимал именно с этих позиций. Но в то же время, тогда как владыка Вениамин, опять вернувшись во Францию, перешел в каноническое ведение заместителя местоблюстителя патриарха Московского (в дальнейшем ставшего патриархом), иеромонах Иоанн решил неприемлемым для себя считать русскую эмиграцию «повинной гражданской лояльностью пастырей Московской Патриархии». В этом состояла суть их расхождения.

Но священническое служение поставило перед Иоанном и иные испытания, которые немислимо было обойти — только разрешить их для себя во всей глубине и неоспоримости.

«Первые годы моего пастырства... были и моим слезным покаянием... По мере входа в пастырское дело я осознавал все более необходимость обновления моего духа (...). Прощению Божьему, в таинстве человеку данному, я доверял без мнительности, я верил в это прощение; но душа, хотя и знает, что Бог все знает, не может насытиться явлением и исповеданием Богу своей прошлой неверности. Она входит все более в

осознание ее, в понимание своей греховности, она хочет сказать о ней Богу (...).

Покаяние — особый процесс души. Без вхождения в него нет духовной жизни».

Этот путь дался новому пастырю не без труда, но «реальность невидимых сил, помогающих человеку» помогла и ему.

Иеромонах Иоанн полюбил людей и не боялся их. Он ощутил в себе силы говорить и поступать, как власть имеющий, не обращая внимания на звания и авторитеты. Перед Богом все равны. К тому же у огромного количества русских людей, оказавшихся в изгнании, за рубежом, действительно ничего более не осталось, кроме Церкви. Она их объединяла, мистически связывала с оставленной Родиной, с Россией.

Как священник, иеромонах Иоанн не мог этого не понимать и не ощущать. И, тем не менее, как он сам признавался, вместе с ощущением все большей связанности своей с людьми он одновременно все более отчетливо понимал и свою независимость от них, но зависимость только от Бога, от Божьей воли.

В Белую Церковь заезжал к отцу Иоанну отправившийся в путешествие на Афон Борис Зайцев. Там же, еще в самом начале своего служения, отец Иоанн осознает, что необходимо срочно начать издавать духовную литературу, потребность в которой была в среде русской эмиграции огромна. Это свое служение, эти труды владыка Иоанн уже не оставит во всю свою оставшуюся жизнь. И цена этим трудам не поддается исчислению. Она сверх всего мирского значима и спасительна.

Вообще, приобретенный в Белой Церкви духовный опыт оказался тем необходимым краеугольным камнем, на котором крепко стояло все дальнейшее пастырское служение Шаховского.

Но там же, в Белой Церкви, отцу Иоанну вновь пришлось участвовать в защите «духа внеполитического пастырского служения» как перед митрополитом Сергием в Москве, так и перед митрополитом Антонием в Сремских Карловцах. Оба они, как считает Иоанн (и во многом он, безусловно, прав) «хотели быть апостольски лояльными к кесарю России». Только каждый из них видел «кесаря» по-своему.

«Русская паства тех нескольких приходов митрополита Антония в Югославии мало окормлялась духовной заботой пастырей. Архиереи ее занимались политикой, плохой и беспомощной». И в этом Шаховской по праву усматривал «общую измену вере».

Отец Иоанн приводит один поразительный факт, рассказанный ему протоиереем Александром Шафраном, волею судьбы оказавшимся в 1914 году на территории России, оккупированной немцами. Немецкое командование предложило ему стать пастырем православных воинов, попавших в плен.

«До революции у него не было ни одного случая отказа русского военнопленного от молитвы, исповеди, причастия (посещение служб было свободным). Но когда слухи о русской революции докатились до военнопленных — девяносто процентов русских людей перестали посещать церковные службы. Только десять процентов остались верны Церкви, и только десять процентов от этих десяти (то есть, один процент общего числа паствы отца Александра) были жизненно преданными, ревностными сынами Церкви. Отец Александр считал, что этот процент был соответственен уровню всей России».

По сути своей этот вывод страшен. Но, с другой стороны, только этим и возможно объяснить те невероятные испытания, которые обрушились как на российскую паству, так и на ее пастырей. В авангарде тех процессов, как бы ни было горько это осознавать, стояло духовно разложившее, агрессивное большинство. (Заинтересованных в этой теме отсылаю к публикации в журнале «Всерусский собор» № 1, 2 за 2002 г. воспоминаний Ивана Андреевича «Детство дворцового мальчика», в которых ярко описаны та низость, те бесчинства, что были устроены в Царском

Селе «освободившимся от царского ига» народом сразу после свержения монархии). И истоки этого разложения, агрессивности, на наш взгляд, очень точно и безжалостно вскрывает архиепископ Иоанн.

«Конечно, в безбожии русской революции были все виноваты, а мы, пастыри и учителя, — более всех (...). Архипастыри жили в священной отвлеченности и отъединенности от паствы. Они не видели ее, и она не видела их».

Вывод по сути своей для духовной составляющей национального православного общества, каким и было до революции общество в России, ужасающий.

ГОРОД В ОГНЕ

Третья книга воспоминаний архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) посвящена событиям Второй мировой войны. Интересна она, в первую очередь, тем, что не так много свидетельств дошло до нас о том (и свидетельств именно непосредственных, изнутри), каково было состояние Русской Зарубежной Церкви как в оккупированной Европе, так и непосредственно в самой фашистской Германии.

Как же воспринимает то оглушительное бедствие, что обрушилось на огромное количество людей в мире, еще довольно молодой православный пастырь?

«Войны людей бывают всегда прямым следствием общей их войны против Бога. Признание источником жизни не Творца, а безличной материи может стать причиной еще большего саморазрушения человечества... Дело истинных духовных вождей было — указывать людям на ими нарушенный Божий Закон.

Допущение войны, как яркого образа смертности и исчезновенности этого мира, должно облегчить веру людей в высшую реальность бытия, в весомость духовных ценностей. Но люди все время закрываются от глубин своей жизни, бегут от Лица Божия. Не видя главного смысла истории, они выбирают себе и учителей, которые «льстили бы слуху» (2 Тим. 4,3)...

Трудно людям осознать всю гибельность даже малейшего своего сопротивления Богу, самоубийственность даже самой малой своей мысли, направленной против Творца. Самая кровопролитная из всех войн истории была следствием и наибольшего обоготворения человеком самого себя и материи. Война вообще никогда не бывает следствием «судьбы» или «случая». Как всякая болезнь, землетрясение, наводнение, социальная катастрофа, и война есть экстериоризация сокровенных нравственных реальностей, обнажение духовных корней человечества. Новая близость людей к Богу, к ближнему и к своему спасению возникает при сокрушении гордыни человеческой. Человек тогда начинает осознавать всю свою, без Бога, малость, беспомощность и ничтожность».

Я привел здесь столь обширную цитату из книги только ввиду ее поразительной точности и заключенной в ней глубины продуманности, осознанности человеческой истории. Нет — истории всего человечества, так будет правильнее. Только такой взгляд мне видится существенным и истинным. Только он может объяснить и оправдать то многое, что до сих пор никак не удается, не поддается объяснению и оправданию нашим бывшим и теперешним философам, политологам, экономистам, историкам всех возможных и мыслимых (да и немислимых) взглядов и научных школ и направлений.

История в своей вневременной значимости творится по совершенно иным, нравственным, неподдающимся научному объяснению, законам. В мире, кроме научного, есть еще и мистическое, религиозное ее (истории) понимание, которое в начале войны митрополит Сергей сумел донести до своей паствы (да и до всего верующего в Христа человечества), сформулировав религиозную истину происходящего так, что обрушив-

шесся испытание (а война началась в праздник памяти всех святых, в земле Российской просиявших) надо считать началом духовного спасения людей в вере в Бога.

«Выражением этой веры, этих надежд, — пишет архиепископ Иоанн, — стали сами события. Русский народ открыто воззвал к Богу, и атеистические духи... — отступили перед верой народа. Начали открываться храмы на русской земле... «Всемирный союз безбожников» был распущен... гонители Церкви, вопреки своей воле подчиняясь воле Божией, стали даже содействовать верующим в открытии оскверненных храмов, звали к служению пастырей, возвращали их из ссылки и лагерей... «Интернационал» перестал в те дни быть гимном русского народа (...).

Дело не в мотивах и расчетах антирелигиозников, допустивших возрождение религиозного чувства в народе во время войны. Эти соображения были, конечно, утилитарны, эгоистичны; но и фараон не по высоким мотивам отпустил некогда евреев из Египта; важно не это, а то, что и над Египтом, и над Израилем, и над Россией, и над всем миром есть рука Божия».

Война застала Шаховского в Германии. Он был в то время благочинным церковью Русского Западно-Европейского экзархата в Германии, подчиненного патриарху Константинопольскому.

«В храмах Германии мы молились за эту страну и ее народ — но без поминания «вождя народа германского» (тем более не именовали его ни «боголюбивым», ни «христолюбивым»).

Это признание, упомянутое в записках как бы между прочим, в действительности опять же является прямым доказательством неслучайности свершившихся испытаний. Ведь мы помним, как совсем недавно владыка не мог согласиться с митрополитом Сергием по вопросу лояльности Церкви к гражданским властям. Даже был вынужден расстаться из-за этого со своим духовным отцом. Но настали тяжелые времена в самой Европе, и что же? Несмотря на унижения, а то и прямое ограбление Церкви властями Третьего рейха (один факт для примера — из девяти приходов Германского благочиния шесть при помощи гестапо и вопреки всем законам были отторгнуты со всем имуществом и переданы безвозмездно вновь созданной вне канонического поля Православной Церкви в Германии), пастыри и паства молятся «за страну и ее народ», которые в настоящее время захватывают русские села и города, грабят и убивают бывших соотечественников, несут неисчислимые страдания их бывшей Родине.

Воистину — «не судите, да не судимы будете». Ибо неведомы нам пути Господни, неразгадан Промысел Его. Но твердо нам известно — нет ничего случайного в движении Его. А движение это было, как выше нами уже отмечалось, все-таки в сторону очищения и, несмотря на кровопролитие и убийство, в сторону жизни.

В храмы повалили толпы «остовцев» — людей, пригнанных в Германию для рабского труда. Но именно здесь состоялось их возвращение в Церковь, именно здесь они искренне и глубоко осознали свою вину пред Богом. В рабстве они начали приобретать свободу духа — а значит, вечную свободу.

«Уже по субботам на всенощной собор был полон битком (...). В воскресенье... с зари, с пяти-шести часов, уже начинала идти... толпа беленых платочков и картузов... С пяти часов утра все многочисленные иереи соборного клира, все бесчисленные священники, съехавшиеся в Берлин... — в общей сложности иногда до двух-трех десятков священников по разным углам храма начинали исповедывать говеющих».

Исповедь продолжалась во время всей литургии, но всех желающих отисповедовать все равно не удавалось и тогда вынужденно, в виду «необычайности обстановки», прибегали к общей исповеди.

«Причащались из двух-трех-четырёх-пяти чаш, по полтора, по два часа (...).

Во время литургии на жертвеннике вырастали гигантские груды поминальных записок (...).

После литургии начинались требы: крещения по тридцать, иногда даже по семьдесят, по восемьдесят; свадьбы по двадцать, по двадцать пять. Потом бесчисленные заочные отпевания».

Будто скверна начала сходить с людей, страданием очищать и просветлять их измученные души. Здесь, в изгнании, потеряв свободу, они острее стали чувствовать и переживать чужую боль, чужие страдания, откликаясь на них, конечно, и материальными жертвами, но, в первую очередь, и это явилось главным, своим душевным теплом, своим сопричастием к чужой боли, к чужому страданию.

«Народ, на чело, на разум которого ставили перед всем миром печать неверия, вдруг выходит в мир с печатью Христовой на своем сердце, — восклицает в своих записках архиепископ Иоанн. — Ни один народ и ни одного человека не звали в истории «Востоком» (напомним, на одежде, на груди русских рабочих, насильно привезенных в Германию, был помещен четырехугольник: голубое поле, на котором были выведены белые буквы «OST» (Восток) — **В.С.**), кроме Него, Единого Богочеловека. Истинно «посетил нас Восток свыше» (Лк. 1,78). Не с печатью вавилонского сверхчеловечества вышел сейчас русский человек в мир, но с печатью Богочеловека».

В эти тяжелые для него времена к русскому человеку на далекой чужбине среди чужого языка, домов, дорог, быта, вернулось понимание, что единственно «Творец светит Своей правдой в мире, и никакие замыслы человеческие не могут затемнить Его истины».

Бог позволяет людям совершать многое, что наносит им урон, боль, страдания, что является «несветлым» и, по существу своему, вроде бы открывает путь к гибели. Так мыслит человеческий разум. Но Он, Бог, всегда вкладывает в происходящее «высший промыслительный смысл».

«Люди века сего, — делится далее своими наблюдениями владыка Иоанн, — замечают во всем лишь человеческую, греховную сторону вещей (...). Люди же, познавшие во Христе смысл мира, видят во всем, прежде всего, небесную — а иногда только небесную — сторону и живут уже теми переживаниями Царства Божьего, которое их ожидает в вечности».

Именно там, в фашистском Берлине, люди ощутили, что они призваны к уразумению Божьих путей.

Отец Иоанн также не избежал гестаповских застенков. Его арестовывали, допрашивали, обыскивали его квартиру, опечатывали склад религиозной литературы, которую он продолжал издавать в больших количествах. И все-таки закончить эти заметки хочется вот какими словами архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского):

«К пользе бессмертного человеческого духа Дух Божий направляет все большие и малые события земли. И если не слышат люди, как пророк Илия, «глас хлада тонка» (3 Цар. 19,12), тогда «в грозе и буре», как Иову, говорит Господь человечеству».

Как же мы, в наше время, должны слышать этот вразумляющий «глас», только в нем осознавая спасение свое и своего Отечества.